

Копирование, тиражирование и распространение материалов,
содержащихся в книге, допускается
только с письменного разрешения правообладателей.

САША МЕЛЬЦЕР

У судьбы один должник

Москва

2027

ПЛЕЙЛИСТ

pyrokinesis — отказываю небу

*pyrokinesis и три дня дождя — негативное мышле-
ние*

pyrokinesis — легенда о божестве смерти

pyrokinesis — я приду к тебе с клубникой в декабре

pyrokinesis — море волнуется два

*«Когда на площадку выходит тень,
начинается самая опасная игра»*

РАЗМИНКА

Кроссовки скрипят по потрепанному винилу, пока мы оббегаем зал, разминаясь. Мышцы тянет — финальная игра отборочного этапа закончилась, но нам не дали даже выдохнуть, Эдегар сразу пригнал на площадку. После второго места в прошлом году в этом сезоне мы не блистаем — болтаемся в середине турнирной таблицы, каждый раз чудом перебираемся в следующий этап и пытаемся собраться. Но сейчас Мадлен лениво зевает, Бьерн, судя по его лицу, витает где-то далеко, а я уже дважды запнулся о собственную ногу.

Свисток тренера вырывает из мыслей и вынуждает повернуться к нему. В зале холодно — по рукам бегут мурашки, и, хотя все окна закрыты, все равно бросает в дрожь. Неприятно пахнет резиной, но я не могу понять отчего. Замечает ли это кто-то кроме меня? Судя по разгоряченным щекам Эрлена, ему скорее жарко, нежели его кусает мороз.

— Все, что вам нужно, — это собраться и вспомнить, какие вы настоящие. Как вы умеете вырывать победу зубами, когда нужно.

Не знаю, осталось ли что-то от нас прежних.

У СУДЬБЫ ОДИН ДОЛЖНИК

— Да, тренер, — отвечаем мы нестройно, пока он пытается подбодрить нас из последних сил. Два дня назад мы кое-как победили, а вот на прошлой неделе нас бескомпромиссно раскатал по площадке «Хеймдалль вакт».

Мы все устали, и я не понимаю, зачем вообще каждый из нас пришел на тренировку.

«Норне», наверное, уже почти целиком спит. Зимой вечера ранние, темень быстро опускается на академию, и сейчас ее прорезает только свет из окон нашего спортивного зала.

— Передайте Фьеру, если он и завтра не придет — может искать себе другую команду, — устало объявляет Эдегар. — Все свободны.

У него явно на языке крутится какое-нибудь крепкое словцо, которое он проглатывает вместе с горечью наших поражений. Ощущение, что еще немного — и он бросит нас тренировать, списав в утиль. Останутся за спиной и прошлые успехи, и выигранный чемпионат, и серебро студенческой лиги за минувший год. Иногда кажется, что эти медали можно забросить на дальнюю полку, а о кубке в трофейном зале забыть навсегда, зная, что такого мы больше не получим.

Мы остаемся впятером, когда уходит тренер и стягиваются в раздевалку запасные. Бьерн вяло набивает мяч, Мадлен присаживается на скамейку, вытягивая ноги. Он тоже ежится. Сандре подносит руку к окнам, словно проверяя: дует из щелей или нет? Судя по тому, как пожимает плечами, с окнами все хорошо.

— Помните, какой сегодня день?

РАЗМИНКА

— Такое не забывается, — отвечаю тихо.
Сегодня год, как нет Юстаса.
Год, как все списали на несчастный случай.
Год, как на моих руках кровь.

— Иногда мне кажется, что он вот-вот зайдет в зал, — негромко говорит Мадлен и ежится уже наверняка от этого. Никто бы не хотел, чтобы Юстас был здесь, но ощущение его незримого присутствия до сих пор не оставляет нас.

— Никогда уже не зайдет. К черту, не будем вспоминать. — Бьерн со всей дури швыряет мяч, тот ударяется о стену и отлетает с грохотом. Я вздрагиваю от резкого звука, хотя ожидал этого.

Сандре сочувственно хлопает меня по плечу. Никто не знает правды, и я сам не могу разобраться, легче мне от этого или нет. Может, мне и хотелось бы закричать на весь мир, чтобы снять с себя бремя вины, но я молчу. Молчу, потому что боюсь, потому что слаб, потому что все уверены в несчастном случае, и я не готов развеивать этот миф. Я слабо улыбаюсь капитану и предлагаю:

— Пойду соберу мячи.

Бьерн шутит что-то о великой щедрости, и Мадлен утягивает его побыстрее, пока я не передумал. Сандре уточняет, не нужна ли мне помощь, но я точно знаю, что это из вежливости. Усталость оставляет на его лице мягкий отпечаток, а движения выглядят рваными.

Остаюсь один на один с холодом и воспоминаниями, когда за капитаном захлопывается дверь. Мне нужна передышка — я устаю от компании друзей так же быстро, как и от матчей в последнее

У СУДЬБЫ ОДИН ДОЛЖНИК

время. Нам больше не помогают норны, мы пашем на износ, но все равно не становимся лучше неуверенных середнячков.

Пробивается сквозняк, который скользит по коже, чуть покусывая ее, — по рукам так же, как и у Мадлена, бегут мурашки. И это поторапливает меня — я спешу сложить мячи в кладовку, но что-то щелкает сзади, и в тишине зала звук пронзительно громкий. Я вздрагиваю, а потом спиной чувствую тот могильный холод, который не ощущал уже одиннадцать месяцев.

Я даже успел забыть, как именно он ощущается.

«Берегись», — шепчет он, забираясь точно мне в самую душу. Я слабо дрожу. Он точно не касается меня, но воображение услужливо подбрасывает то, как он кладет руку мне на плечо, как сжимает его и вынуждает развернуться. Я закрываю глаза, боясь встретиться с ледяным взглядом некогда друга, товарища, *капитана*.

— Ты не оставишь меня в покое? — бормочу я, сжимая руки в кулаки.

— Я собираюсь тебя спасти.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПОДАЧА
В НЕИЗВЕСТНОСТЬ

СЕТ ПЕРВЫЙ

Он исчез одиннадцать месяцев назад. Одиннадцать месяцев я не прислушивался к шорохам в комнате, не скользил испуганным взглядом по стенам, не пытался в одиночестве обнаружить чье-то дыхание рядом и не всматривался в темноту.

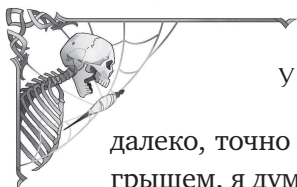
Я больше не искал его в книжках, не пытался понять, почему он мучит меня, и не просил оставить в покое.

Одиннадцать месяцев я жил, пытался дышать полной грудью, учиться и играть. Ровно до того момента, как он не появился в спортивном зале — такой, будто никуда не пропадал.

Сидя в библиотеке, я закрываю глаза и снова представляю Юстаса. Мне мерещится, что он сидит рядом со мной, и я даже боюсь гадать, зачем он пришел опять. «Спаси тебя», — звучало из его уст наигранно и фальшиво. Или я просто не мог поверить в то, что он это говорит?

— Лучше бы ты оставил меня в покое, — бормочу я, не отрываясь от учебника. Я смотрю в него, но не вижу ни единой буквы — мои мысли где-то

У СУДЬБЫ ОДИН ДОЛЖНИК

далеко, точно не здесь. Они заняты Юстасом и проигрышем, я думаю о Верданди, и ожог от нити на запястье начинает по-настоящему гореть. Потерев его, чтобы избавиться от мучительных ощущений, я прикрываю глаза. Мелькают воспоминания, но они смазанные, ни одно из них я не могу поймать. Юстас, ритуал, Верданди, детектив... Все смешивается в калейдоскоп из черно-белых стекляшек — цветному там не место, — и я с трудом привожу себя в чувство.

— Он умер. Все закончилось, — говорю сам себе так уверенно, словно могу в это поверить. Но он стоял передо мной несколько дней назад — снова как живой, но уже не пугающий. Все такой же холодный — с кладбищенским дыханием.

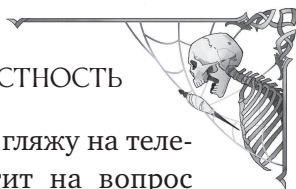
«Кто-нибудь видел Фьера?»

Сообщение приходит в общий чат, вырывая меня из мыслей, но я, зевая, продолжаю листать в руках бесполезный сегодня учебник по теории норвежской литературы. У нас только закончилась сессия, но преподаватели в этом году не давали плавно втянуться — заваливали домашними заданиями сразу. У меня в ежедневнике было записано: два теста, три эссе и четыре небольших научных доклада, которые я не представляю, когда успею сделать. Почти погребенный под грудой дел, я листаю страницы одну за другой, не вчитываясь в текст.

Преподаватели говорили, что после смерти Юстаса я стал рассеянным, но на самом деле я никогда и не был другим — просто раньше мне удавалось удачно цеплять маску прилежного студента, а после на это не хватало сил.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПОДАЧА В НЕИЗВЕСТНОСТЬ

Буквы плывут перед глазами, но я гляжу на телефон — жду, пока кто-нибудь ответит на вопрос Эдегара. Однако в чате сплошное молчание, будто он вымер, хотя на самом деле все в сети.

«Ну?» — нетерпеливо печатает тренер.

Я вздыхаю и отписываюсь, что не слышал о нем уже несколько дней.

Фьер исчез с радаров после матча с «Норск Фарт¹», где мы чудом выцарапали победу. Мы вернулись в «Норне», а на вечерней тренировке его уже не было. Мы так и не сблизилась толком после случившегося, хотя между всеми нами лед тронулся. Только Фьер оставался той нерешенной задачкой, которую все преподаватели ставят в конце, а у ее номера рисуют звездочку — продвинутый уровень.

Он заходит в сеть, но не читает наши сообщения. Мадден жаловался, что у него горит одна галочка с конца последней игры. Мы даже предположить не можем, куда он делся. Бьерн, кажется, пытался найти его в комнате, но просто обил пороги закрытой двери.

«Он не отвечает на сообщения», — пишет Мадден.

«И в комнате его нет», — добавляет Бьерн.

«Надо идти к руководству, — решительно отмечает Сандре. — Эрлен, может, ты знаешь хоть что-нибудь? Вы вроде близко общаетесь»

«Он не планировал уезжать, — отвечает Эрлен тут же, словно все это время держал телефон в руках. — Но его собирался навестить отец».

Неприятная фигура — его отец. Я помню, как Фьер рассказывал о нем, напившись в сарайчике для ракеток у теннисного корта, и ничего приятного

¹ *Norsk Fart* (с норвеж.) — «Норвежская сила».

У СУДЬБЫ ОДИН ДОЛЖНИК

в моей голове не всплывает. На сегодня окончательно теряю интерес к учебе — в конце концов, если у меня спортивная стипендия, не полагаются ли мне поблажки?

Солнце только недавно перешло в зенит, но в библиотеке уже пусто. После обеда «Норне» будто и не живет, зато всеми оттенками красок играет общежитие — стоит мне пройти по переходу, как я словно попадаю на оживленную улицу Драммена. На подоконниках ребята играют в настольные игры и, активно жестикулируя, спорят о чем-то — точно не могу разобрать; у автомата стоит мой однокурсник и пытается достать злаковый батончик с бананом; на кожаном диванчике в углу парень с направления правоведов читает книжку. Кажется, когда-то он учился с Юстасом, и он кивает мне в знак приветствия. Я кратко улыбаюсь в ответ и перебегаю в наше крыло.

Мы сталкиваемся на лестнице. Он быстро спускается по ступенькам, поправляя ворот рубашки, и я машу ему в знак приветствия.

— Немного тороплюсь. — Он улыбается. — Что-то срочное?

— Я насчет Фьера...

— Я как раз иду к руководству. Эдегар попросил выяснить, в чем дело. Нам скоро выезжать на новый матч, а он не может дозвониться ни до Фьера, ни до его отца, ни до куратора. Чертова метель, видимо, какие-то проблемы со связью.

— Составлю тебе компанию.

Он не противится, и мы вместе переходим обратно в «Норне». Как только общежитие остается позади, нас окружает тишина. Прямые коридоры

академии выглядят жутковатыми — то и дело готовлюсь к тому, что из-за поворота вынырнет тень, посмотрит глазами Юстаса и хищно улыбнется. Но никого нет, только наши шаги разносятся эхом. На красном кирпиче иногда играют отблески ламп, из-за них мерещатся причудливые силуэты. Старую сконцентрироваться на спине Сандре, который уверенно идет чуть впереди — у него быстрый шаг, а я слишком устал, чтобы пытаться его нагнать.

Мы спускаемся на первый этаж, и я с любовью оглядываюсь на фонтанчик Урд. Норна — взрослая, мудрая, по-настоящему существующая, смотрит на меня в ответ чересчур пристально. Я не выдерживаю тяжелого взгляда статуи и отворачиваюсь.

— Ты в порядке? — удивляется Сандре, дернув меня за рукав темно-изумрудного пиджака.

— В полном, — киваю и улыбаюсь для убедительности. Сандре вглядывается мне в глаза, но я стоически выдерживаю это.

На первом этаже тепло и светло, несмотря на пустоту вокруг, поэтому я успокаиваюсь. То ли большое пространство, где теням негде спрятаться, так сказывается, то ли плеск воды в фонтаничке Урд, не знаю. Но я перестаю лихорадочно оглядываться и бояться зайти за поворот.

— Надеюсь, кураторы еще не ушли.

Их рабочий день до шести. На часах — пять сорок пять, и у нас есть все шансы успеть, если только на кафедре самовольно не решили закончить чуть раньше.

Я редко бывал в крыле, где учится Фьер, и уж тем более не заходил в коридоры к их преподавателям.

